

Злоба как часть поэтического мира А. Блока

Полина Негуляева (образовательная программа «Филология»)

Поэтический путь А. Блока был построен самим поэтом, о чем говорят конструирование «Трилогии вочеловечения» и последовательное развитие лирического героя, тематики и образно-мотивной системы произведений. Такая авторская установка позволяет предполагать, что важен не только текст и реализация в нем конкретного мотива, но и взаимодействие этих компонентов с другими стихотворениями, поэмами и лирическими драмами блоковского корпуса.

Слова «злоба», «озлобленность», «злбный» встречаются в ограниченном наборе произведений Блока: «Когда замрут отчаянье и злоба», «Ночь – как ночь, и улица пустынна»

(1908), «Какая дивная картина» (1909), «Как тяжело мертвецу среди людей» (1912), возможно, предопределившее его «Как тяжело ходить среди людей» (1910), «Марш мертвецов» (1916), «Двенадцать» (1918), «Возмездие» (1910-21).

К моменту написания «Двенадцати» основная масса этих произведений уже создана, а значит, учитывая ориентир Блока на построение общего плана и отдаленного взгляда на собрание своих произведений, в поэме явлена квинтэссенция представления поэта о злобе, то есть отдельный образ имеет традицию появления в текстах, которая суммируется в наиболее позднем произведении. Но какова эта традиция?

Все названные тексты написаны в период, освещенный в третьем томе трилогии, где внимание фокусируется на разрушении мировой гармонии и рефлексии по поводу Родины – это опыт мировой войны и двух революций¹. Только в таком контексте в поэтический словарь Блока входит слово «злоба» и его производные.

Входят они в связи с образом ночи как оборотной стороны дня и в связи с мотивом смерти. Место злобы в композиции и построении текста – маркировка переходности. В стихотворениях 1908 года: «Когда замрут отчаянье и злоба, Нисходит сон»², то есть переход из дня в ночь, и «бросить злобный вызов небесам»³ с «в руках сжимают пистолет»⁴, то есть граница жизни и смерти. В 1909: «тихонько тлеет жизнь моя»⁵ – она еще не утрачена, но это почти так. Тексты 1910-12 на уровне сюжета воспроизводят вхождение погибшего духовно или же фактического мертвеца в мир людей, возникает «жизни гибельный пожар»⁶, то есть появляется смертная сила, инерция разрушения, определяющая и тональность всего третьего тома. Наконец, в «Марше мертвецов» зависть и злоба присущи живым и отвергаются восставшими из могил мертвецами.

В «Как тяжело мертвецу среди людей» звучит формула, напоминающая ту, что вводит злобу в «Двенадцать»: «Чем ночь белее, тем чернее злоба»⁷. Использование поэтических формул в различных текстах является одной из ключевых для поэзии Блока черт, поэтому важно определить, почему именно словосочетание «черная злоба» важно для поэта.

Черный цвет в символике Блока обозначает грозу и опасность⁸. В данном контексте их несут двенадцать, поэтому намечается предощущение не только самой злобы, но и некоего страшного события или их череды. Также этот символ связывается с мистическим опытом⁹, что, возможно, определяет сочетание злобы и святости.

В поэме злоба фигурирует в первой главе. Она вводится постепенно – производным: «Ветер веселый И зол, и рад»¹⁰. Получается, тут злость – эмоция главного героя части: ветра.

Он расправляется со старым миром, сдувая представителей разных категорий населения. Сначала «Старушка, как курица, Кой-как перемотнулась через сугроб»¹¹, затем «И буржуй на перекрестке В воротник упрятал нос»¹², далее – представитель интеллигенции (писатель), товарищ поп («... долгополый Сторонкой – за сугроб»¹³), барыня в каракуле («Поскользнулась и – бац – растянулась!»¹⁴)... Наконец, ветер срывает плакат Учредительного собрания, описанный в начале главы: «Крутит подолы, Прохожих косит, Рвет, мнет и носит Большой плакат»¹⁵. Так смываются все представления о былом мире, открывается пространство для нового – улица пустеет.

Ветер, как и злоба в поэтической традиции Блока, – посредник. С одной стороны, «Черный вечер. Белый снег. Ветер, ветер!»¹⁶ – между небом и землей. С другой, по логике сюжета – между старым и новым. В то же время – между локальным (Петроград в 1918 году) и всеобщим («Ветер, ветер – На всем божьем свете!»¹⁷).

Появление образа ветра в поэме Блока, вероятно, предопределяется и сложившимся в литературе вообще представлением об этом природном явлении. В частности, от Пушкина: «Ветер, ветер, ты могуч <...> Не боишься никого, Кроме Бога одного»¹⁸ и «... ветру и орлу И сердцу девы нет закона»¹⁹. Как в том, так и в другом тексте ветер изображается между человеком и Богом, он выше закона мирского, но ниже слова всевышнего. Это снова роль посредника. Правомерность пушкинского контекста в данном случае доказывается употреблением слова «вития» – в поэме Блока оно следует за критикой предателей и констатацией гибели России, что созвучно пушкинским «Клеветникам России».

После того, как ветер срывает плакат, Блок будто бы замыкает круг посредством кольцевой композиции. Он сближает следующие строки с первыми: от «Черный вечер. Белый снег.»²⁰ обстановка меняется до «Поздний вечер. <...> Черное, черное небо»²¹. Белого больше нет, нет и света (например, звезд или луны) – ветер смел все, что было на его пути, и сгладил границы. Иными словами, наступает ночь – один из символических элементов в поэзии Блока с семантикой «торжества злого начала»²².

Такая расстановка смыслов предвещает полноценное появление злобы: «Злоба, грустная злоба Кипит в груди... Черная злоба, святая злоба...»²³. В трехстишии слово повторяется четыре раза – подчеркивается не только значительность образа, но и его всеохватность, аналогичная всеохватности темноты в предыдущих строках. Следом звучит предупреждение: «Товарищ! Гляди В оба!»²⁴. В этой всеохватности оно подчеркивает отличие злости ветра от злобы тех, кого читатель еще не видит, злобы уже предчувствуемых двенадцати. Злоба

предшествует своим носителям, потому как сила ее очень велика. Расплывчат как ее субъект, то есть враг, так и объект, то есть отряд из двенадцати человек. Возникает двойственное впечатление: то ли слитый воедино мир раскалывается предощущением явления носителей злобы, то ли темнота оказывается настолько всепоглощающей, а злоба настолько нагнетенной, что утро, рассвет, освещение мира перестают быть возможными.

Как утверждается злоба? Сначала она явлена сама по себе в назывном предложении. Потом дается первое определение – грустная. Оно очень простое, лишено выразительности и экспрессии, в контексте произведений Блока может либо в таком виде, либо в виде слова «грусть» появиться в тексте любого периода, будь то «Счастливая пора, дни юности мятежной!..» 1899 года или «Демон» 1916 года. Так, предлагается развитие злобы, обрастание ее характеристиками, но на начальном этапе – характеристиками примитивными.

Предложение связывает определение и с первым и единственным «действием» злобы – кипение в груди, то есть словно бы подогревание, нагнетание, усиление напряжения. Затем – черная – злоба, вскипев, разливается и сливается с небом и миром, растворяется, как ветер, в стертой пограничности старого и нового миров.

Вспоминается обозначенная выше формула: «Чем ночь белее, тем чернее злоба». Изменение определений в поэме показывает постепенное сгущение темноты и, вероятно, лишь наступление ночи, но это доказывает и перспективу наступления утра, к которому злоба все усиливается и все большее пространство охватывает.

Напоследок злоба определяется как святая. Два оксюморонных, на первый взгляд, определения (черная и святая) сближены как два однородных назывных предложения. Злоба не связана уже действием, она есть (названа, утверждена) и разлита по всему миру, она присутствует в каждой его части. И тут же она – святая. В этой идее улавливается связь с религиозной концепцией присутствия Бога в каждой частице мира.

Конфликт черного и святого усиливается введением словосочетания «святая злоба». Оно созвучно с противоречивым представлением Блока о революции, выраженным в поэме. С одной стороны, «Двенадцать» воспринимали как хвалу и манифест революции. С другой стороны, в сознании части читателей она отразилась как неправильное изображение этого исторического события или же иронизирование над ним²⁵.

Существует мнение²⁶ и о том, что «Двенадцать» отражает противоречивость революции как явления и образы, способствующие такому описанию, не всегда осознавались самим Блоком. Например, он не мог ответить, почему в финале ключевым становится появление

Христа. Оно, по сути, такое же оксюморонное сочетание: злобу двенадцати (подчеркнуто – без креста) обуздывает и ведет за собой святость Иисуса. К Господу двенадцать взывают в поисках благословения при фиксации неверия («Петька! Эй, не завирайся! От чего тебя упас Золотой иконостас?»²⁷). И Русь – Святая, то есть наследующая традицию веры и света, в которую врывается порывами ветра злоба – новая и чуждая для прошлого мира, по инерции продолжающего прорасти религиозными образами и в настоящем, новом.

Граница стертого и не возникшего миров остается местом развития действия до конца поэмы. Старый мир сдувается ветром, но не исчезает – он до финальной главы появляется в виде пса, следующего за отрядом: «И старый мир, как пес безродный...»²⁸, а далее: «Старый мир, как пес паршивый»²⁹. Аналогично и появление Иисуса в финале – он присущ старому миру, но остается на границе с новым, задерживая его появление.

На кого или на что направлена злоба? По идее – на врага: «Их винтовочки стальные На незримого врага <...> Вот – проснется Лютый враг»³⁰. С появлением двенадцати, однако, единственная его репрезентация – Катька. На нее переносится это представление за неимением фактического соперника в пространстве текста: это поиск, предощущение, но отсутствие.

Если внимательнее проанализировать образ, то станет понятно: смерть Катьки – не следствие желания убить ее, а погоня за кем бы то ни было, жажда хоть чьей-то крови. Глава с убийством начинается словом «опять» – значит ли это, что отряд ходит по городу кругами? Или что кругами ездит один и тот же экипаж? Видимо, нет. Видимо, перестает быть важным, в ком видеть Ваньку с Катькой и кого убивать как врага. Описанный в предыдущей главе частный образ становится основанием для встречи и расправы с соперником, который при этом предельно абстрактен. Расправы, подобной расправе ветра со старым миром – со всем и сразу.

Расширение частного образа Катьки до образа мира, а агрессии, направленной на нее, до негативного отношения к всему окружающему подтверждается и на уровне лексики. Параллель проводится выбором эпитетов: сначала Русь обозначается как «толстозадая», потом Катька как «толстоморденькая», что и сближает их образы.

Абстрактность поддерживается и на уже описанном уровне не сюжетной, но мотивной структуры. Как появляется злоба? Через распространение во весь мир, соединенный чернотой в нечто единое. Захватывая все, абсолютизируясь, она находит во всем и своего абсолютного субъекта – врага. И двенадцати «Ничего не жаль...»³¹ – они как будто противопоставлены всему сразу.

Абсолютной злобе противопоставлено ее частное проявление через специфический языковой портрет отряда. Смена тональности и сниженный регистр речи чувствуются на контрасте третьей или девятой глав (более напевная и лирическая интонация) и глав об отряде (настроение развязной веселости). Например, замена отточием или междометием (уподобление ружейному выстрелу) нецензурной лексики. Также выбор просторечных средств: сукин сын, жрала, стервец, иной вариант – формы слов: уменьшительно-ласкательные кровушка, чернобровушка, времячко. Или написания, передающие не классический вариант литературного произношения: этажи. Злоба и существует в пространстве как идущая вперед сила, и находит локальное выражение в небольшом сюжетном эпизоде, поставленном в центр поэмы: явление отряда и совершение им убийства.

Таким образом, мотив злобы в корпусе текстов Блока активизируется к позднему периоду. Формируется его семантика – это маркер переходности, тяготеющий к ночи и смерти. Его связь с этими символами определяет появление в томе, ведь вся комбинация соответствует тональности завершения трилогии. Введение злобы в «Двенадцать» как в один из позднейших текстов Блока с употреблением данного слова объединяет все предшествовавшие смысловые разработки.

Злоба фигурирует в первой главе поэмы. Она постепенно нарастает и распространяется по всему миру – едины его чернота и эмоциональный посыл в момент уничтожения старого, но еще до возникновения нового. Носителями злобы являются двенадцать, а направлена она на все, находящееся за пределами отряда.

Единственное частное выражение образа абстрактного и неуловимого врага – Катька, но, как показывают детали и лексические средства, конкретный персонаж выступает лишь как точка приложения злобы, его присутствие становится способом продемонстрировать беспощадность и всеохватность агрессивного посыла в действии.

Как образ врага есть абстрактный и частный, так и злоба может быть абсолютной, предшествующей своим носителям силой, а может иметь локальное выражение в действиях и словах, непосредственно описывающих отряд – это сниженный, просторечный и грубый образ. Сюжетная основа поэмы является основанием для описания частного проявления злобы на фоне страшного мира со стертыми границами.

Другой образ, через который раскрывается мотив злобы – ветер. В литературной традиции он обладает аналогичной семантикой посредничества, а в рассматриваемом тексте

Злоба как часть поэтического мира А. Блока

расправляется со старым миром, предваряет слияние пережитого (отжитого) и нового в массу, где и зарождается злоба.

Действие поэмы разворачивается на границе между мирами до и после, связующим звеном представляется паршивый бездомный пес, а также совокупность религиозных образов. Поэтому мотив злобы в поэме Блока «Двенадцать» связан с мотивом святости – они сходятся в оксюморонных сочетаниях на различных уровнях текста. Так выражается, с одной стороны, столкновение старого и нового мира, с другой – противоречивость блоковского видения революции. Именно этот конфликт понимания и восприятия – ключевой для Блока и воспринимающего его читателя.

Библиография

Баевский В.С. История русской поэзии: 1730-1980 гг. Смоленск: Русич, 1994.

Блок А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 5. М.: Наука, 1999.

Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 3. Стихотворения и поэмы 1907-1921. М.: ГИХЛ, 1960.

Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. Поэмы, Сказки. М.: ГИХЛ, 1960.

Тынянов Ю.Н. Блок // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 118-123.

Сноски

1 *Баевский В.С.* История русской поэзии: 1730-1980 гг. Смоленск: Русич, 1994. С. 206.

2 *Блок А.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 3. Стихотворения и поэмы 1907-1921. М.: ГИХЛ, 1960. С. 129.

3 Там же. С. 68.

4 Там же. С. 68.

5 Там же. С. 75.

6 Там же. С. 27.

7 Там же. С. 36.

8 *Баевский В.С.* История русской поэзии: 1730-1980 гг. Смоленск: Русич, 1994. С. 203.

9 Там же. С. 203.

10 *Блок А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 5. М.: Наука, 1999. С. 9.

Злоба как часть поэтического мира А. Блока

11 Там же. С. 7.

12 Там же. С. 7.

13 Там же. С. 9.

14 Там же. С. 9.

15 Там же. С. 9.

16 Там же. С. 7.

17 Там же. С. 7.

18 *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. Поэмы, Сказки. М.: ГИХЛ, 1960. С. 356.

19 Там же. С. 413.

20 *Блок А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 5. М.: Наука, 1999. С. 7.

21 Там же. С. 11.

22 *Баевский В.С.* История русской поэзии: 1730-1980 гг. Смоленск: Русич, 1994. С. 202.

23 *Блок А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 5. М.: Наука, 1999. С. 11.

24 Там же. С. 11.

25 *Баевский В.С.* История русской поэзии: 1730-1980 гг. Смоленск: Русич, 1994. С. 207.

26 Там же. С. 208.

27 *Блок А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 5. М.: Наука, 1999. С. 18.

28 Там же. С. 19.

29 Там же. С. 19.

30 Там же. С. 18.

31 Там же. С. 18.